

УДК 82.09

## ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ И ВЫМЫШЛЕННОЕ В РАССКАЗАХ Д. ДРАГУНСКОГО

© Н.А.Петрова

В статье рассматриваются короткие рассказы Д. Драгунского, отличительной чертой которых является чередование «случаев из жизни» и воспоминаний с историями и доведение до абсурда вымысла в них. Отмечается, что истинность «были» подтверждается внетекстовыми компонентами: именами существовавших и существующих людей, географическими координатами и самой фигурой повествователя.

**Ключевые слова:** Д. Драгунский, быль, вымысел, типы повествования.

Предполагается, что художественная проза опирается на вымысел, а автобиографическая – на факты. При этом в основе художественного текста может лежать реальная история (о чем автор иногда оповещает читателя), а автобиографическая литература (при любом усилии автора быть искренним) выстраивает образ повествователя и модифицирует события, давая им субъективную интерпретацию. Тем интереснее случаи, когда, осознавая подвижность границы между фикциональным и документальным текстами, автор играет этими границами.

В таком ключе написаны книги Д. Драгунского, начиная с первого сборника «Нет такого слова» [1], название которого синтезирует документальное и художественное начала, поскольку из текста заглавного рассказа следует, что отсутствующее слово (в языке одного из малых народов Севера) – это лексема «ложь». Невымышленные формы – мемуары, истории, были, «байки», «случаи» и даже некрологи – перемежаются открыто «фантазмагорическими микроновеллами» [2], порой доводящими вымысел до абсурда. Драгунский признается, что принципу чередования рассказов с разной жанровой установкой придается особое значение [3].

Различным жанровым формам соответствуют разные способы повествования и типы рассказчиков. Особый вариант представляют собой «рассказы в рассказе» с подставным рассказчиком или с указанием человека, который поведал повествователю эту историю, таковым может быть как реально существующее лицо, так и вымышленная фигура, зачастую пародийного характера. Повествователь может выступать в роли действующего лица (актор) или демонстрировать позицию объективного неприятия, по умолчанию подразумевающего того же повествователя, биографичность которого приравнивает его к автору.

Истинность «были» подтверждается именами существовавших и существующих людей, географическими координатами и фигурой повествователя, который является рассказчиком и героем рассказов, написанных его отцом. На долю «вымысла» остается сюжет [4]. Д. Драгунский, замечая, что «в середине» его рассказов «случаются невероятные перестановки, а к концу все меняется местами», описывает не столько «пунт», характерный, например, для О'Генри, сколько своеобразный «перевертыш», обнаруживающий непостижимость капризов сюжетов и судеб. Так, последняя фраза рассказа «Мужчина и женщина» воспроизводит сказочный или мелодраматический финал: «они жили долго и умерли в один день», дополняя его союзом возмездительного сопоставления – «зато», – который никак не может возместить неслучившийся союз людей, – не ведали, что «были созданы друг для друга». Конечная фраза разрушает не столько веру в предназначение, сколько неосуществимость и семантическую пустоту традиционной счастливой концовки.

Взаимоотношения реальности и вымысла у Драгунского парадоксальны, а «парадокс – это истина, похожая на ложь» [5: 210]. В рассказе «Пысин и Сякин» с подзаголовком «Смерть автора» повествуется о двух прозаиках – секретаре российского Союза писателей и совхозном бухгалтере, – написавших по роману «Зябь». Какой из этих романов был опубликован под именем Пысина в результате редакционных интриг, остается неизвестным. Вынесенные в заголовок неблагозвучные фамилии авторов напоминают рассказ Тэффи «Жизнь и темы» в том плане, что события, взятые «целиком из жизни», нелепее любого вымысла<sup>1</sup>. У Драгунского фамилии персо-

<sup>1</sup> У Тэффи фамилии юнкер-кавалеристов, выступавших свидетелями в суде – Кобылин и Жеребцов, – ассоциируются с чеховскими «лошадиными».

нажей явно вымышлены, обозначаемые ими качества соответствуют качеству их писаний. Сама же история, кажущаяся невероятной (автор должен был заметить подлог), отражает в утрированном виде обыденную журнальную политику: печатать «флагманов» и «отшивать» «графоманов». У Тэффи «выдуманная правда гораздо жизненнее настоящей» [6: 139], у Драгунского – вымысел и есть настоящее. Это мир, преломленный сознанием и потому иллюзорный в любом своем качестве. Быль и вымысел у него обратимы.

Легче всего поддаются сюжетному переосмыслению «случаи», в которых просвечивают традиционные фабулы формульных жанров. Такова «быль» «На белом коне», в которой весьма условно воспроизводится история очередной Золушки. Автор использует неполное фразеологическое сочетание (ср.: «принц на белом коне», «въехать на белом коне»), и всему обыгрываемому жанровому образцу передается несоответствующая ему «недостаточность» персонажей (она – некрасивая, «неглупая», «незлая», ставшая «в некоторой степени принцессой», и он – «почти блестящий студент», «не слишком дальний родственник» короля), выявляющая жалкое качество осуществившейся «судьбы» («минус много»). Способом преобразования документального в художественное становится все тот же «перевертыш», демонстрирующий нарочитое несоответствие содержания и формы, заголовка и сюжета, в конечном счете – возвышенной мечты и ее прозаической реализации.

Не менее частый вариант – пародирование содержания документального повествования при сохранении его формы. «Набукков» имеет подзаголовок «Из энциклопедии» (и надзаголовок «Некролог»), что свидетельствует о его сугубо документальном характере. Но само название рассказа переключает повествование в пародийный план и акцентирует его игровую природу. Владимир Владимирович Набоков именуется здесь Василием Васильевичем Набукковым, его фамилия объявляется псевдонимом, а в качестве настоящей указывается – Навуходоносорский. Фамилия и псевдоним отсылают к опере Дж.Верди «Набукко», название которой представляет собой итальянский вариант имени Навуходоносора, и, соответственно, к библейскому тексту о вавилонском плене и отпущении евреев Навуходоносором (отсылка к биографии писателя: жена Набокова Вера Слоним была еврейкой, они вынуждены были эмигрировать, спасаясь от фашистских нацистов)<sup>2</sup>. Далее следует вымыш-

ленная биография с перечислением настойчиво пародируемых названий набоковских романов и инвертированным пересказом их содержания.

Еще один способ переосмысления – ассоциативная стыковка дистанцированных временем и пространством сюжетов мемуарных баек. Название одной из них – «В гости к Твардовскому» – предполагает если не описание визита (не «в гостях»), то описание пути. Байка состоит из двух частей. Действие первой происходит в Вашингтоне. Ее героиня – некая Mrs Patricia Lee – пребывает в дурном настроении из-за «больших семейных неприятностей», но, оказавшись на людях, моментально берет себя в руки: «*Выключили одного человека, включили другого*». Вторая часть содержит историю тридцатилетней давности, когда у дачи Твардовского повествователь увидел идущего туда «расслабленным и неспешным шагом» К.Симонова. Заметив зрителей, он пошел «пружинистым, достойным шагом», не забывая дымить трубкой и манипулировать тростью. Одна история сопоставляется с другой, как анекдоты, по принципу *a propos*<sup>3</sup>. Персонажи, не подозревающие о существовании друг друга (даже имена их разделены написанием) сближаются на почве схожести ситуации: у Симонова тоже «уже давно были большие неприятности», и он так же старательно держал форму. Это сопоставление тут же сменяется противопоставлением, поскольку образ Симонова, со ссылкой на «быль» («говорили даже...») переключается в фантазмагорический регистр: он уже не выключенный / включенный, но другой человек – «*Настоящий Симонов погиб на войне в 1944 году*». В концовке рассказа бредовый «слух» получает философское истолкование: «*А то, что осталось, – одна тоска и видимость*». Так история Патриции Ли остается преамбулой, а повтор заголовка («Симонов идет в гости к Твардовскому! На фиг собачий...») предваряет и замыкает финал. «Быль» уравнивается с «вымыслом», или, как говорит Драгунский, «этой грани не существует» [3].

В рассказах, претендующих на «быль», персонажи переходят из одного в другой, а повествователь четко обозначен. Одинаковые названия с разными «расширениями», отмечающими единство места действия, объединяют их в минициклы «сериального» [2] характера. В тех немногих произведениях, что имеют открыто беллетристический характер, сюжет завершен, а повествователь не детерминирован. Но в том и дру-

<sup>2</sup> В фамилии Набуков, возможно, прячется еще и book – книга.

<sup>3</sup> «*À propos* в анекдотах вещь важная; *à propos* одного анекдота, вспомнишь другой...» – Кукольник Н.В. Анекдоты. [Цит. по 7: 247].

гом случае, если не открытый комментарий повествователя, то иные факторы – названия, финальные фразы, несоответствие заголовка и содержания, игра жанровыми формами, пародирование как документального, так и художественного стереотипов, ассоциативное соотнесение логически несоотносимых компонентов и т. п. маркирует процесс перетекания документального в вымышленное и вымышленного в документальное. Цитаты, и особенно цитатные заглавия рассказов, вырванные из контекста и частично модифицированные, погружают «случаи» в интертекстуальное поле, придавая им философическую обобщенность.

Сборники рассказов, если они выстроены как книга, имеют у Драгунского второй слой заголовков, объясняемый форматом блога<sup>4</sup> и ориентированный на классическую традицию, снабжающую новеллу некой «сентенцией» [3]. Дополнительное структурирование, создавая сеть взаимоперекличек, способствует трансформации документального в художественное.

\* \* \* \* \*

1. *Драгунский Д.* Нет такого слова. М.: Рипол. Классик, 2010. – 448 с.
2. *Дондурей Д.* // URL: [http://tlt.poetree.ru/news/pogruzhenie\\_v\\_mir\\_denisa\\_dragunskogo/2011-01-16-773](http://tlt.poetree.ru/news/pogruzhenie_v_mir_denisa_dragunskogo/2011-01-16-773) (дата обращения 15.11.2012).
3. *Бондарева А.* Интервью // *Читаем вместе.* Август-сентябрь, 2010. // URL: <http://www.chitaemvmeste.ru/pages/material.php?interview=101&journal=83> (дата обращения 15.11.2012).
4. *Драгунский Д.* // URL: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/591841-echo/> (дата обращения 15.11.2012).
5. *Симкин Л.* Любитель парадоксов // *Знамя*, 2011. – №8. – С. 210 – 212.
6. Издательство Тэффи: новеллы // *Н.А.Тэффи.* – М.: Звонница-МГ, 1999. – (Библиотека мировой новеллы). – С. 137 – 139 с.
7. *Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века.* – М.: Худож. лит., 1990. – 270 с.
8. *Оборин Л.* Рецензия: *Денис Драгунский. Нет такого слова.* – М.: РИПОЛ. Классик, 2009 // *Знамя*, 2010. – № 2. – С. 213 – 217.

## FICTION AND NON-FICTION IN D.DRAGUNSKY'S STORIES

N.A.Petrova

In the works of D.Dragunsky «events from life» and recollections are alternated by reductio ad absurdum stories. The truth of the story is confirmed by such components as the names of real people, geographical coordinates, and the figure of the story-teller himself.

**Key words:** D.Dragunsky, fiction, nonfiction, types of narration.

\* \* \* \* \*

**Петрова Наталия Александровна** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Пермского государственного педагогического университета.

E-mail: natpetrova1@gmail.com

Поступила в редакцию 16.11.2012

<sup>4</sup> На это указывает сам Д.Драгунский и также отмечает Л.Оборин [8: 215].